

Е. А. Смирнова

Особенности семейного воспитания интернет-зависимых подростков

Статья посвящена анализу факторов воспитания в семьях подростков, склонных к интернет-зависимости. Авторы приводят результаты исследования, в которых сравниваются особенности семей, в которых у подростков обнаруживается сформированная интернет-зависимость, семей с детьми, попадающими в группу риска формирования данной формы нехимической аддикции, и семей с независимыми от Интернета детьми. После выделения характеристик семей с интернет-зависимыми подростками, авторы проводят анализ влияния данных особенностей на факт формирования зависимости, намечая мишени психотерапевтической работы с зависимыми подростками и их родителями. Данная работа имеет как научную, так и практическую ценность.

Ключевые слова: подростковый возраст, интернет-зависимое поведение, семейное воспитание.

Е. А. Smirnova

Features of Family Upbringing Internet-dependent Adolescents

This article analyzes the factors of upbringing in families where adolescents are prone to Internet addiction. The authors present the results of studies that compare the characteristics of families in which teenagers have Internet addiction, families with children at risk of formation of this form of non-chemical addiction, and families where children are independent from Internet. After highlighting the characteristics of upbringing Internet-addicted teenagers, the authors analyze the effect of these features on the process of formation of dependence, marking the targets of therapeutic work with dependent adolescents and their parents. This research has both scientific and practical value.

Keywords: adolescence, Internet-addicted behavior, family upbringing.

Интернет используется все чаще в самых разных сферах жизни. Он стал распространенным у подростков всего мира средством, помогающим в учебе и предоставляющим неограниченные ресурсы для развлечений. Чтобы улучшить школьную успеваемость и свою конкурентоспособность, подростки используют Интернет. Однако по мере широкого внедрения возможностей всемирной сети в жизнь все более отчетливо проявляются и черты ее отрицательного влияния на психику и сознание отдельных индивидуумов, в особенности подростков и детей. Это явление вызывает озабоченность специалистов в области психического здоровья, вследствие чего началось целенаправленное изучение возможных последствий злоупотребления Интернетом.

В последние годы фокус внимания ученых обращен к исследованию личностных особенностей лиц, склонных к данной форме аддикции. В литературе встречается значительное количество работ, посвященных исследованию личностно-характерологических особенностей подростков, зависимых от Интернета [6, 8, 7, 4, 2]. В то же время аспект семейного воспитания, который приводит к формированию у детей, подростков и юношей интернет-зависимости, на данный момент остается гораздо менее изученным [3, 9].

Постановка задачи изучения психологических особенностей взаимодействия в семьях интернет-зависимых подростков, склонных к интернет-зависимости, является новым шагом в исследовании интернет-зависимости и позволяет перейти от исследований результатов сформированной зависимости к разработке программ профилактики и терапии.

В проведенном нами исследовании приняло участие 247 человек: 176 школьников в возрасте от 13 до 17 лет и их матери – 71 человек. На основании результатов теста Янг в адаптации Буровой и Шкалы интернет-зависимости Чена в адаптации Феклисова под руководством профессора В.Л. Малыгина испытуемые были разделены на три группы:

– испытуемые, набравшие более 80 баллов по тесту Янг и более 65 баллов по тесту Чена, определялись в первую экспериментальную группу (обозначавшуюся нами как «группа зависимых»);

– испытуемые, набравшие более 50 и менее 80 баллов по тесту Янг и более 43 и менее 64 баллов по тесту Чена, определялись во вторую экспериментальную группу (обозначавшуюся также как «группа риска»);

– испытуемые, набравшие менее 50 баллов по тесту Янг и менее 42 по тесту Чена, определя-

лись в контрольную группу – родители автоматически относились к той же группе, что и их дети.

В ходе проведенного исследования были получены результаты по комплексу методик, однако в рамках данной статьи мы бы хотели остановиться на результатах трех методик: опросник для родителей «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) [5], методика «Подростки о родителях» (ПоР) [1] и проективная методика «Семейная социограмма» [5].

Результаты теста АСВ показали, что между экспериментальной группой № 1 и контрольной группой существуют достоверные различия по шкале ВН (Воспитательная неуверенность родителя). Между экспериментальными группами № 1 и № 2 существуют достоверные различия по шкале С+ (Строгость санкций (наказаний) за нарушение требований ребенком, чрезмерность санкций). Между группами независимых подростков и группой риска достоверные различия есть по шкалам З- (Недостаточность требований-запретов к ребенку) и С- (Минимальность санкций).

Таблица 1

Достоверность различий по каждой шкале в методике АСВ

шкалы	верхние границы нормы	средние значения зависимых	средние значения группы риска	средние значения независимых	средние значения для всех родителей	достоверность различий зависимых и группы риска	достоверность различий зависимых и независимых	достоверность различий группы риска и независимых
Г+	7	3,4	3,9	3,9	3,8	0,551	0,389	0,759
Г-	8	3,4	3,9	2,6	3,3	0,609	0,159	0,093
У+	8	3,8	4,8	3	3,4	0,683	0,19	0,574
У-	4	0,5	0,4	0,4	0,4	0,51	0,589	0,939
Т+	4	1,1	1,8	1,7	1,6	0,107	0,071	0,928
Т-	4	1,9	1,6	1,7	1,7	0,646	0,77	0,805
З+	4	1,1	1,2	1,6	1,3	0,983	0,192	0,276
З-	3	1,9	2,4	1,7	2	0,085	0,502	0,012*
С+	4	1,6	1	1,2	1,2	0,024*	0,173	0,419
С-	4	3,2	3,5	2,9	3,2	0,188	0,315	0,048*
Н	5	2,3	2,14	1,4	1,9	0,869	0,072	0,084
РРЧ	6	2,1	2,2	1,4	1,9	0,739	0,064	0,073
ПДК	4	1,1	0,7	0,9	0,9	0,09	0,508	0,325
ВН	5	3,1	2,7	2,1	2,6	0,139	0,005*	0,226
ФУ	6	1,7	2,3	1,6	1,9	0,401	0,177	0,054
НРЧ	7	1,4	2	1,1	1,5	0,394	0,386	0,134
ПНК	4	1,9	1,8	1,1	1,6	0,82	0,068	0,18

ВК	4	0,4	0,3	0,3	0,3	0,381	0,395	0,986
ПЖК	4	1,3	1,7	1	1,3	0,53	0,51	0,239
ПМК	4	0,8	0,4	0,8	0,6	0,067	0,579	0,161

* – достоверные различия при уровне значимости $p=0,01$.

Для удобства шкалы, где различия достигают уровня достоверности, мы выделили другим шрифтом.

Следующим этапом анализа данных методики АСВ стало выявление общего количества показателей, превышающих значения нормы у каждого родителя во всех трех группах испытуемых.

Рис. 1. Сравнение процента превышений показателей нормы по различным шкалам методики АСВ в контрольной и экспериментальной группах

Было выявлено, что родители подростков, относящихся к группе зависимых и группе риска, гораздо чаще имеют превышения по той или иной шкале. Таким образом, мы можем утверждать, что стиль воспитания родителей интернет-зависимого подростка (или склонного к формированию данного типа поведения) будет характеризоваться большим количеством дисгармоничных черт – у каждого родителя это будут свои черты, но в подавляющем большинстве они будут приобретать характер чрезмерных, а также их будет усиливать неуверенность родителя в выбранной им стратегии воспитания и непоследовательность в системе наказаний: то их чрезмерность, то недостаточность.

Полученные данные позволяют нам говорить о том, что такие признаки, как потворствование, или ситуация, когда ребенок выступает в семье не только в качестве ребенка, но и наделяется

некоторыми функциями партнера одного из супругов, а также непоследовательность в стратегии воспитания, общая неуверенность в правильной модели поведения при общении с ребенком и чрезмерно низкое количество требований и запретов по отношению к ребенку, являются чертами стиля родительского воспитания, при котором существует риск формирования интернет-зависимого поведения, и должны учитываться специалистами при работе с семьями, в которых у подростка наблюдается склонность к возникновению или уже сформировано данное нарушение поведения.

Получение более полной картины особенностей семейного воспитания стало возможным благодаря применению методики ПОР.

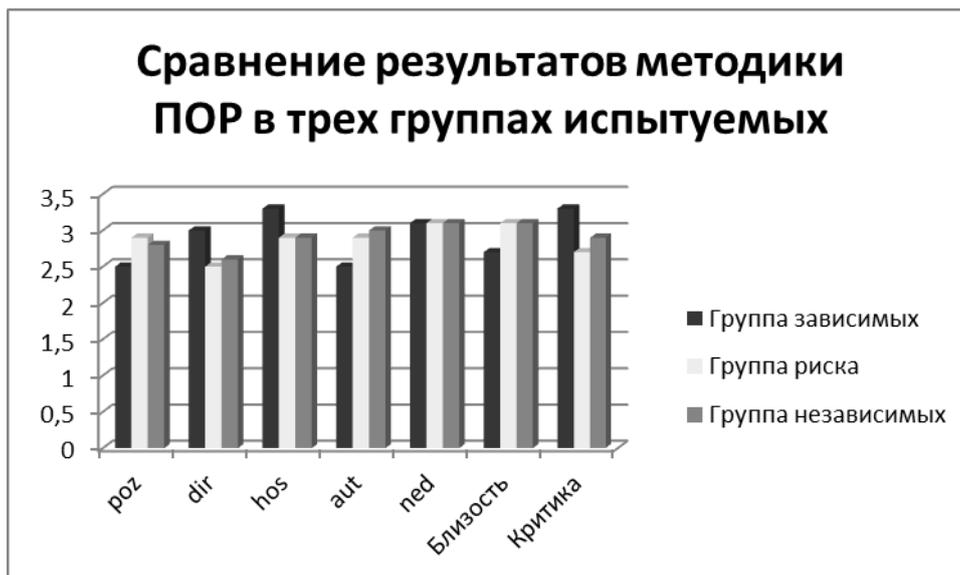

Рис. 2. Сравнение результатов методики ПОР в трех группах испытуемых

В результате статистической обработки данных, полученных с помощью данной методики, было установлено, что между группами зависимых и группой риска, а также между группой зависимых и группой независимых есть достоверные различия по шкале АУТ – шкале Автономности. В группе зависимости показатели по этой шкале наиболее низкие. Также в группе за-

висимых достоверно выше по сравнению с группой риска показатели по шкале Критики (этот показатель также выше в группе зависимых по сравнению с группой риска, однако не разница не достигает достоверных значений). Высокий показатель по этой шкале характеризует высокую заинтересованность и тотальный контроль родителя в отношении своего ребенка.

Таблица 2

Достоверность различий по шкалам методики ПОР

	poz	dir	hos	aut	ned	Б	К
Группа зависимых - группа риска	,074	,112	,193	,050*	,919	,236	,007*
Группа зависимых - группа независимых	,072	,227	,117	,010*	,962	,105	,054
Группа риска - группа независимых	,930	,774	,713	,327	,817	,809	,357

* – достоверны при $p=0,01$

Нами было установлено, что в семьях интернет-зависимых подростков родители часто демонстрируют черты амбивалентности в воспитании детей. Так, при потакании и отсутствии диктата со стороны родителей оказывается высоким

уровень критики, высказываемой в адрес подростка, при низком уровне запретов оказывается высоким уровень наказаний. Родители демонстрируют неустойчивость стиля воспитания и страдают от воспитательной неуверенности. Не-

предсказуемость модели поведения, которую выберет родитель в тот или иной момент времени, может привести ребенка к потребности искать замещающий объект своей привязанности, способный дать ему ощущение стабильности и безопасности. Интернет-деятельность в этом смысле оказывается удивительным сочетанием постоянства и столь привычной ребенку нестабильности.

Для получения представления об образе семьи, сформированном у подростков и их родителей, нами были проанализированы результаты методики «Семейная социограмма». Оказалось, что в экспериментальной группе № 1 процент испытуемых, указывающих на нормальную иерархию в микросистеме «дети + родители», равен нулю. То есть ни один ребенок не попал в эту категорию. В группе риска и контрольной группе проценты испытуемых в этой категории оказываются близкими. Примеры горизонтальной иерархии, а также полного отсутствия иерархии встречаются в группе зависимых гораздо чаще по сравнению с представителями обеих других групп. Кроме того, проявления иных форм дисгармонии иерархии встречаются в группе зависимых также значительно чаще. Также велик процент детоцентрированных социограмм в группе зависимых по сравнению с другими группами.

Таким образом, мы можем говорить, что не только факт наличия или отсутствия иерархии, но и характер семейной иерархии играет роль при формировании интернет-зависимого поведения. Данное наблюдение сочетается с результатами методики АСВ, в которых было описано, что родители зависимых подростков достоверно чаще наделяют детей некоторыми функциями партнера. Кроме того, нарушения в системе требований-запретов-наказаний (также описанные в анализе результатов методики АСВ) могут быть одним из последствий отсутствия четкой иерархии в семье.

В ситуации, когда родитель лишен своего авторитета, ребенок не только чувствует беззащитность и право принимать самому решения, но и незащищенность, так как рядом с ним нет человека, который способен принять волевое решение и нести за него ответственность. Ребенок,

поставленный в такие условия, преждевременно вынужден принимать значимые для себя решения без возможности разделить с близким взрослым ответственность за последствия. Кроме того, данная система не дает ребенку модели истинно взрослого и ответственного поведения, характеризующегося не только правами (например, правом наказывать), но и обязанностями (например, проследить, чтобы каждый справлялся со своими задачами, и вовремя прийти на помощь, обеспечить поддержку и передать нужный опыт). Выросший в такой системе подросток оказывается уязвим перед зависимостью, так как, с одной стороны, он не признает авторитета родителя, сказавшего ему, что определенное поведение является нежелательным, а с другой стороны, подросток не осознает, что любой поступок влечет свои последствия.

Однако наиболее интересные результаты можно получить, сравнив оценку ребенком близости между родителями, им и сиблингами и оценкой тех же параметров глазами родителей. Было выявлено, что представления детей совпадают с представлениями родителей примерно в 23–24 % случаев в каждой из групп. Однако характер различий в представлениях родителя и ребенка в каждой группе оказывается особенным. Так, в экспериментальной группе оказывается, что родители чаще считают другого сиблинга ближе, чем испытуемого ребенка, или ребенок оценивал себя ближе к родителю, в то время как тот указывает детей на одном расстоянии, однако на близость к отцу, не подтвержденную родителем, дети зависимой группы не претендуют. В контрольной группе с большей частотой встречаются ситуации, когда родитель оценивает ребенка ближе к себе, чем тот сам себя оценивал. В группе риска испытуемые демонстрируют промежуточные показатели между результатами группы зависимых и контрольной группы.

Таким образом, мы можем утверждать, что сам по себе факт наличия различий в восприятии уровня близости между членами семьи родителем и ребенком подросткового возраста является нормальным. Однако характер этих различий отличается в контрольной и в экспериментальной группах.

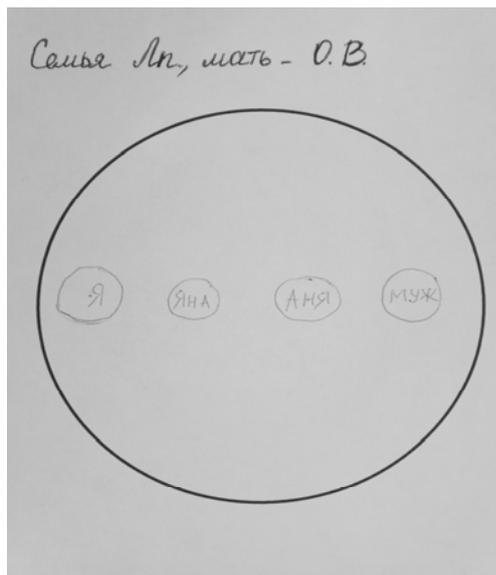

Рис. 3. Семейная социограмма интернет-зависимого подростка

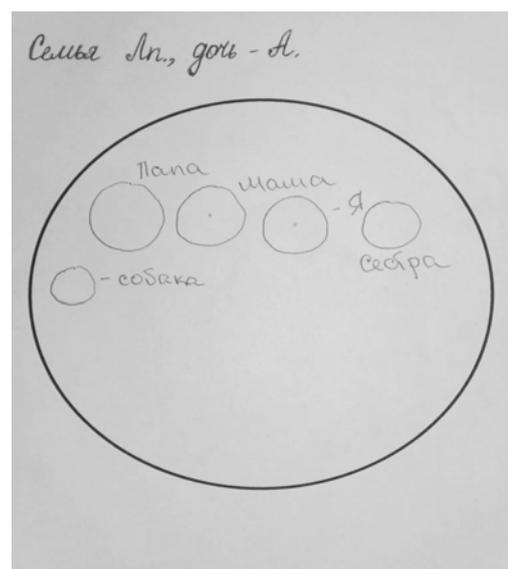

Рис. 4. Семейная социограмма матери интернет-зависимого подростка

Получается, что в контрольной группе мать готова давать ребенку больше внимания, близости и поддержки, чем ему требуется, в то время как в экспериментальной группе подросток нуждается в большей близости с матерью, чем она готова ему предоставить. Ситуация, складывающаяся в контрольной группе, сочетается с возрастными нормами для подросткового возраста – ребенок достаточно созревает, чтобы предпринимать первые попытки отделения от семьи. При этом он все еще нуждается в материнской поддержке и участии. Ситуация, складывающаяся в экспериментальной группе, говорит об инфантильности подростков – они нуждаются в большей близости с матерью, чем матери готовы им дать, такие подростки не готовы пройти процесс сепарации от родительской семьи и всячески стремятся к поддержанию инфантильной связи с матерью.

Фрустрация потребности в близости приводит к потребности подростка находить замещающий объект привязанности, в случае наших испытуемых – Интернет.

Проведенное исследование позволило нам выявить ряд особенностей образа семьи и стиля воспитания в семьях интернет-зависимых подростков, а также сравнить данные показатели с представлениями их матерей. Обе эти задачи впервые ставились перед исследователями, что открывает большой простор для интерпретаций. Однако полученные данные говорят о том, что семьи интернет-зависимых подростков обладают особенностями, коррекция которых должна быть

одной из первых мишеней терапии зависимого подростка в рамках семейной системной терапии.

Библиографический список

1. Вассерман, Л. И., Горьковая, И. А., Ромицына, Е. Е. Родители глазами подростка. Психологическая диагностика в медико-педагогической практике. Речь [Текст], 2004.
2. Егоров, А. Ю., Кузнецова, Н. А., Петрова, Е. А. Особенности личности подростков с интернет-зависимостью [Текст] // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2005. – № 2. – С. 20–27.
3. Чаус, И. Н. Тип семейного воспитания и формирование компьютерной зависимости у детей младшего школьного возраста [Текст] // Психологический журнал. – 2003. – № 4. – С. 62–68.
4. Чудова, Н. В. Особенности образа «Я». «Жители Интернета» // Психологический журнал. 2002. – Т. 22. – № 1. – С. 113–117.
5. Эйдемиллер, Э. Г., Юстицкис, В. Психология и психотерапия семьи [Текст]. – СПб. : Питер, 2009. – 672 с.
6. Amichai-Hamburger Y. A., Ben-Artzi E. Loneliness and Internet use // Computers in Human Behavior, Volume 19, Issue 1, January 2003, P. 71-80.
7. Armstrong L., Phillips J. G. Potential determinants of heavier internet usage // International Journal of Human-Computer Studies – Volume 53, Issue 4, October 2000, Pages 537–550.
8. Caplan S. E. Problematic Internet use and psychosocial well-being: development of a theory-based cognitive-behavioral measurement instrument // Computers in Human Behavior, Volume 18, Issue 5, September 2002, Pages 553-575.
9. Yen J. Y., Yen C. F., Chen C. C., Chen S. H., Ko

C. H. Family factors of internet addiction and substance use experience in Taiwanese adolescents // *CyberPsychology & Behavior* – 2007 – vol. 10, № 3. – p. 323–329.

Bibliograficheskiy spisok

1. Vasserman, L. I., Gor'kovaya, I. A., Romicy'na, Ye. Ye. Roditeli glazami podrostka. Psihologicheskaya diagnostika v mediko-pedagogicheskoy praktike. Rech' [Tekst], 2004.

2. Yegorov, A. Yu., Kuznetsova, N. A., Petrova, Ye. A. Osobennosti lichnosti podrostkov s internet-zavisimost'yu [Tekst] // *Voprosy' psihicheskogo zdorov'ya detej i podrostkov.* – 2005. – № 2. – S. 20–27.

3. Chau, I. N. Tip semejnogo vospitaniya i formirovaniye komp'yuternoj zavisimosti u detej mladshogo shkol'nogo vozrasta [Tekst] // *Psihologicheskij zhurnal.* – 2003. – № 4. – S. 62–68.

4. Chudova, N. V. Osobennosti obraza «Ya». «Zhiteli Interneta» // *Psihologicheskij zhurnal.* 2002. – T. 22. – № 1. – S. 113–117.

5. Eydemiller, E. G., Yustitskis, V. Psihologiya i psihoterapiya sem'i [Tekst]. – SPb. : Piter, 2009. – 672 s.

6. Amichai-Hamburger Y. A., Ben-Artzi E. Loneliness and Internet use // *Computers in Human Behavior*, Volume 19, Issue 1, January 2003, P. 71-80.

7. Armstrong L., Phillips J. G. Potential determinants of heavier internet usage // *International Journal of Human-Computer Studies* – Volume 53, Issue 4, October 2000, Pages 537–550.

8. Caplan S. E. Problematic Internet use and psychosocial well-being: development of a theory-based cognitive-behavioral measurement instrument // *Computers in Human Behavior*, Volume 18, Issue 5, September 2002, Pages 553-575.

9. Yen J. Y., Yen C. F., Chen C. C., Chen S. H., Ko C. H. Family factors of internet addiction and substance use experience in Taiwanese adolescents // *CyberPsychology & Behavior* – 2007 – vol. 10, № 3. – p. 323–329.